1

Первым историческим типом единства интересующих нас сфер был *субъектно-образный синкретизм* народной поэзии. Собственно образный синкретизм, породивший архетипическую модель параллелизма, был изучен А. Н. Веселовским, и это открытие составило эпоху в исторической поэтике. Сегодня, однако, ясно, что описанный великим ученым образный синкретизм сам был следствием синкретизма субъектного — слабой расчлененности в фольклорном сознании и тексте «я» и «другого» и легкости пересечения субъектных границ, еще не успевших отвердеть [6].

Выяснение этого факта требует понять описанный А. Н. Веселовским параллелизм как образную форму синкретизма, а тропы, рождающиеся в процессе разложения синкретизма,— как образную форму субъектной дифференциации и рефлексии. В то же время выясняется, что появление тропов в фольклоре — только предвестие рефлексивной революции, которая совершится много позже. Как показала О. М. Фрейденберг, даже в древнегреческой лирике метафора еще «не имеет самостоятельного характера и находится в полной зависимости от мифологической семантики образа. До создания чисто поэтической фигуры греческая лирика еще не доходит» [7, с. 123]. На протяжении всей эпохи синкретизма исходным продолжает оставаться принцип субъектной нерасчлененности и выражающий его параллелизм, имеющий мифологическую семантику и субстанциальную (а не условно-поэтическую, как тропы) модальность.

Другой исторический тип субъектно-образной целостности складывается во вторую большую эпоху поэтики — эпоху рефлексивного традиционализма, или риторики [8]. Именно теперь прогрессирующая личностная рефлексия приводит к тому, что «бытийная» и «субстанциальная» концепция текста, характерная для эпохи синкретизма, сменяется постепенно концепцией «рационалистической» и «критической», которая помещает между словом и обозначаемым им явлением *субъекта* [9]. Правда, этот субъект еще не новоевропейская автономная и самоценная личность, а личность «парадигматическая», от которой на протяжении всей эпохи отслаиваются субъектные формы, бывшие вначале откровенно синкретическими, но так до конца и не преодолевшие синкретизма [10].

Рефлексия такого субъекта изнутри преобразует традиционные образные формы, которые имеют тенденцию становиться из субстанциальных и параллелистских условно-поэтическими и тропеическими. То, что в мифе (и основанном на нем параллелизме) было «действительностью в буквальном смысле слова, т. е. действительными событиями и во всей реальности существующими субстанциями», то в сфере метафорической образности оказывается «феноменально и условно трактованным» [11, с. 417].

К концу этой эпохи поэтики — в русской книжной поэзии XVII—XVIII вв.— субстанциально-параллелистский тип образности ушел с авансцены, и ее заняли условно-поэтические (тропеические) образные структуры, притом не только такие, как метафора (с ее равновесием конкретного и абстрактного), но и отчетливо рационалистические и отвлеченные — аллегория и эмблема [11]. И все же как до самого конца этой эпохи не была преодолена слабая расчлененность субъектной сферы, так и в сфере собственно образной мы наблюдаем неизживаемую субстанциальность, несмотря на самые преизбыточные барочные тропы.

2

В третью большую эпоху поэтики, которую мы будем называть неканонической (и которая, собственно, является предметом нашего исследования), складывается качественно новый тип субъектно-образной целост-